

интимным двусубъектным пространством, а также социальным и бытовым. Пространство настоящего связано с мотивом ухода и представлено частным пространством лирического я. Эта сложная пространственная структура определяет особенности композиции текста, смену мотивов при наличии лейтмотива, отбор языковых средств и приемов их использования.

ЛИТЕРАТУРА

Абишева С.Д. Поэтическая система Давида Самойлова (Стих и стиль): АКД. – М., 1990.

Давыдов А. Стихи и проза // Давид Самойлов. – М., 2001.

Клевцова Л.Ю. Поэтическая эволюция Давида Самойлова: АКД. – М., 1999.

Малафеев А.Ю. «Семантические инновации» в поэзии Д. Самойлова. – Нижний Новгород, 2012.

Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М., 2008.

Самойлов Д. Счастье ремесла. – М., 2010.

Трепачко А.Н. Творчество Давида Самойлова в контексте культуры XX века. – Ставрополь, 2010.

М.М. ЛИТВИНОВА | Эхо Юрия Нагибина Москва | («Загадка горного эха»)

В статье речь идет о том, как выразительные речевые средства и приемы организации текста служат раскрытию сложного душевного мира героя.

Ключевые слова: *лирическая тональность; психологизм; контрастное сопоставление; символическое значение.*

Эхо», один из лучших «детских» рассказов Юрия Нагибина, повествует о событиях, которые, однажды случившись, не дают покоя человеку всю последующую жизнь, заставляя его размышлять над мучительными вопросами: кто именно был послан ему на жизненном пути, зачем ему была дана эта встреча, оказался ли он достоин высокого человеческого предназначения и как прошлое отразилось на становлении его – нынешнего.

В название рассказа автор выносит номинацию реалии – основного знака изображаемого им прошлого и, много раз обыгрывая ключевое слово в тексте, подержанное и усиленное разнообразными способами звуковыражения, акцентирует внимание читателя на символических интерпретациях. Эхо может быть понято не

только как многократный и многолетний отзвук описанных событий в душе повествователя, но и как неизбежная ответная реакция мироздания на предъявляемые людьми поступки и душевные движения, как признак одушевленности, одухотворенности природного мира, вечного, пронизывающего время и пространство, но вступающего с человеком в своеобразный, доступный последнему диалог.

Повествование носит ретроспективный характер и ведется от имени главного героя, совмещающего непосредственное восприятие ребенка с осмыслением происходящего с точки зрения умудренного жизнью взрослого человека. Этот сплав из воспоминаний и воображения повествователя открывает перед читателем особый мир, несущий на себе отпечаток неповторимого эмоционально-ментального авторского освещения.

Уже в первых фразах, через именительный представления обозначая пространственно-временные координаты происхо-

*Литвинова Марина Михайловна, кандидат филол. наук, доцент МПГУ.
E-mail: litvinovamarina@rambler.ru*

дыщего, повествователь, задавая лирическую тональность, поэтизирует место действия – курортный городок с несуществующим названием, время и героиню:

Синегория, берег, пустынный в послепопуденный час, девчонка, возникшая из моря... Этому без малого тридцать лет!

Однако в дальнейшем, добиваясь достоверности описания, автор приводит точные психологические подробности, насыщает биографию персонажей жизненно верными деталями, проясняющими для читателя связь между прошлым и настоящим, причиной и следствием.

Заброшенный взрослыми ребенок (...я свою маму совсем не вижу... Мама танцевать любит...), Викторина растет благоразумной и послушной, не доставляющей хлопот занятой своими проблемами матери, следует ее советам, весьма сомнительным с точки зрения психологии подростка (*Мама говорит, у маленьких это не считается. Она не велит мне в трусиках купаться, от этого простужаются. А ей некогда со мной возиться...*). Жизнь учит девочку не только справляться с бытовыми трудностями, самой развлекать и защищать себя, быть смелой и решительной, но и уходить в свой собственный, воображаемый мир от зла и жестокости окружающего, в котором она, с точки зрения сверстников, наделена уродливой внешностью и потому лишена права на существование, проявление женской природы: *все зовут ее мальчишеским именем, Витькой*. Но преодоление детских травм, постоянной душевной боли, ощущение себя не такой, как все, лишь придает ей внутреннее равновесие, делает необыкновенно гармоничной, цельной, что и привлекает к ней заинтересованное внимание главного героя:

Смутно я понимал природу ее нестыдливости: Витька считала себя безнадежно уродливой. Я никогда не встречал человека, который бы так просто, открыто, с таким ясным достоинством признавался в своей некрасивости.

Несомненно, любуясь своей героиней с высоты прожитых лет, повествователь, тем не менее, рисует ее облик, отраженный в глазах подростка. Через повтор

устойчивого эпитета (*раздался тоненький голос; открыв тоненькое, в темных крапинках лицо; вышагивала своими тонкими, прямыми, как палки, ногами*) и сгущение его контекстных синонимов (*Надо мной стояла голая девчонка, худая, ребрастая, с тонкими руками и ногами. Длинные мокрые волосы облетели лицо, вода сверкала на ее бледном, почти не тронутым загаром теле, с пупырчатой проголубью от холода*) автор вызывает у читателя ассоциации с невесомостью героини, ее незащищенностью и одновременно тонкостью не только телесной, но и душевной. Характерным жестом (*дернула худым шелушащимся плечом*), мимикой, доказывающими ее искренность, сопровождает слова о безразличии к материальным вещам (*Целый день ползать на жаре из-за паршивых камешков!..*), неприемлемости любого вида насилия:

– ...Потом у меня коллекция бабочек была...

Я думал, ей это понравится, и мне почему-то хотелось, чтобы ей понравилось.

– Фу, гадость! – Она вздернула верхнюю губу, показав два белых острых клычка. – Ты раздавливал им головки и накалывал булавками?

– Вообще нет, я усыплял их эфиром.

– Все равно гадость... Терпеть не могу, когда убивают.

Но не только эти, не по годам разумные, понятия и представления делают ее такой привлекательной для героя. Она обладает еще и удивительной коллекцией, в которой *есть эхо звонкое, как стекло, есть как медная труба, есть трехголосое, а есть горохом сыплется...* Наблюдая, как органично она чувствует себя в природной стихии, какие дружелюбные знаки приветствия получает в ответ, услышав, как ей откликаются горы, герой признается:

С почтительным изумлением глядел я на Витьку. Худая, крапчатая, с трепаными сивыми волосами, острыми клычками в углах губ, с зелеными блестящими глазами – она сама казалась мне сейчас такой же сказочной, как и сокровенный мир, в который она ввела меня.

Образ Сережи, центральный в рассказе, строится автором на контрастном со-

поставлении. Если героиня обрисована внешне (нагая девочка, душевный мир которой для героя закрыт, а потому притягателен), то о том, как выглядит герой, не сказано ничего, зато предельно обнажен его внутренний мир, полный подросткового драматизма. Повествование от 1-го лица дает возможность автору вербализовать его эмоции, настроение, переживания, а через выбор определений дать косвенную оценочную характеристику словам и поступкам.

Набор увлечений героя для его возраста традиционен и зауряден: до встречи с героиней он упивается предметами вещного мира (...*гордость моей коллекции – дымчатый топаз, клочок тумана, растворенный в темном стекле*), собирая камешки, марки и папиросные коробки, и лишь после встречи с девочкой интуитивно начинает прозревать важность духовного. Он еще по-детски жесток: не найдя понимания у новой знакомой, желая оскорбить ее, выбирает самое уничижительное, на его взгляд, определение (*Дура ты... Голая дура!*) и получает в ответ уменьшительно-ласкательное (*Сам ты дурачок!*). Отсутствие внутреннего стержня, нехватка самостоятельности, взрослости проявляется и в желании нравиться сразу всем, и в безграничном доверии матери, которая задает жизненные ориентиры и выступает его жестким судьей.

Почему же все эти и другие негативные черты, прямо названные в рассказе, не отталкивают читателя от героя?

Прежде всего потому, что в нем ощущим потенциал духовного роста. И в этом убеждает его необыкновенное, глубоко чувственное восприятие природного мира. Предельно богата палитра словесных красок, которыми пользуется повествователь и в пейзажных зарисовках, и при описании двух походов детей в горы на поиски эха. Разнообразные метафоры, эпитеты, сравнения, олицетворения, синонимические ряды (*Огромное, серьезное море простиралось до горизонта водой, а за ним – туманными мутно-синими полосами, наложенными в небе одна над другой. А в бухте оно притворялось крошечным и маленьким, играя, протягива-*

ло вдоль кромки берега белую нитку, скусывало ее и вновь протягивало...), звуковая, цветовая, световая лексика, слова с тактильным значением, переходные или синестетичные случаи (*петляли терпкомедвяно душиным орешником*), авторские новообразования (*кислеть размытой земли, угрюмая протемь моря; простор угрюмел, как перед долгой непогодью*) – все эти изобразительные средства передают восприимчивость героя к красоте природы, которая, в свою очередь, свидетельствует о чуткости, открытости его душевной организации, несомненном присутствии творческого начала.

Однако и книжный образно-предметный характер фантазий (*Каждая глыба что-нибудь напоминала: корабль, танк, быка, голову, которую победил Руслан, поверженного воина в доспехах, береговое орудие с отбитым стволом, верблюда, пасть ревущего льва, а то и части тела искромсанного гиганта...*), и антропоморфизм с его фобиями (*В каждом из этих незримых пересмешников чувствовался жутковатый характер... Я уже не испытывал ужаса, но всякий раз, когда невидимый шептал мне на ухо, у меня холодел позвоночник, а от рыдающего голоса сжималось сердце*), и впечатлительность, яркое воображение, составляющие героя переживать сложную гамму чувств, которую он еще даже не способен выразить в слове (*Конечно, я не умел тогда назвать то мучительно-тревожное ощущение, какое охватило меня на обрыве Большого седла...*), выдают его детский, ограниченный взгляд на мир. Потому и природа – лучший индикатор человеческой зрелости – откликается ему иначе, чем героине:

Я наклонился и «ахнул» в маленький черный рот горы. И опять там заухало, заверещало, а затем дохнуло мне в лицо нездешним гнилостным холодом. Ужасное одиночество охватило меня вдруг, одиночество и беззащитность посреди этого каменистого, отвесного, из круч и падей, мира, населенного загадочными дикими голосами,

или не откликается вовсе:

Чертов палец молчал. Мы кричали еще и еще – и хоть бы малейший отзвук! Тогда я

кинулся к пропасти – ребята за мной – и что было мочи заорал в клубящуюся глубь. Но и великан не отозвался. В растерянности я заметался от пропасти к Чертову пальцу, от Чертова пальца к расщелине, и снова к пропасти, и снова к Чертову пальцу. Но горы безмолвствовали...

Чего не достает герою? Смелости – по мысли героини. Чистоты и честности – по мысли матери. И обе правы: каждая по-своему.

Ему придется пройти через тяжелые испытания: проявить малодушие и даже совершить предательство, пережить позор, ощутить презрение к себе и без всякой жалости признаться в этом; жизнь ставит его в положение отвергнутого, заставляет раскаяться и получить прощение... И все это позволяет ему прозреть, изменить взгляд на мир, разобраться в жизненной паронимии – понять, что такое преданность и предательство, чем доверие

и дружба отличаются от дружелюбной доверительности, оценить внутреннюю красоту, а не внешнюю красоту – иными словами, найти ответ на вопрос: *Может, она впрямь владеет ключом, позволяющим ей запирать в каменных пещерах голоса?..* Вопрос, который вслед за поэтом формулируется несколько иначе:

...что есть красота
И почему ее обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?
(З а б о л о ц к и й).

Но это лишь начало духовного роста героя, движения по пути раскрытия *тайны* бытия, постижения *сокровенного мира*. То, что изначально доступно героине, у него займет около тридцати лет. Иначе почему он забыл бросить монетку, чтобы не только в мечтах, но и физически вернуться в Синегорию?

ЗАГАДКИ ТЕКСТА

В.А. МАРЬЯНЧИК
Архангельск

Тайна анаграммы

(Анализ стихотворения М. Цветаевой
«Маленький домашний дух...»)

В статье дан стилистический анализ стихотворения М. Цветаевой «Маленький домашний дух...». Центральной задачей анализа является выделение поэтической анаграммы. Автор касается проблемы объективности, обоснованности выделения анаграмм в тексте. Стилистический анализ, в ходе которого рассматриваются система изобразительно-выразительных средств, концептуальное пространство, хронотоп, архитектоника произведения, характеризуется как исследовательский путь, позволяющий включить анаграмму в контекст интерпретации стихотворения. Статья может быть использована как практическое руководство при разработке уроков словесности.

Ключевые слова: *литературная анаграмма; стилистический анализ; концептуальное пространство; хронотоп.*

Анализ поэтических анаграмм не только пополняет теоретический запас школьника в области литературове-

дения и теории языка, развивает языковое чутье, будит словесное творчество, но и вызывает исследовательский интерес, провоцирует на самостоятельные поиски поэтических загадок. Обращение к анаграмме учит категоричности в исследовательских суждениях, так как не всегда в тексте или в комментариях ав-

Марьянчик Виктория Анатольевна, доктор филол. наук, профессор Северного (Арктического) федерального ун-та им. М.В. Ломоносова. E-mail: marvik69@yandex.ru